

СУД СОВЕСТИ

ЗАМЕТКИ О НОВОЙ КНИГЕ РИММЫ КАЗАКОВОЙ

Поэзия — мужское дело,
воловоий труд, соленый пот.
Зачем же Орлеанской девой
В поэты девочка идет?
Прозренья тайного полна,
уже примеривает латы,
уже решается она.

Так открывается однотомика Риммы Казаковой «Русло», выпущенный издательством «Художественная литература». Из него шаг за шагом встает перед читателем неустроенная кочевая жизнь лирического героя. Почему так близко мне ее ощущение мира, ее неуемное стремление двигаться, видеть, открывать, действовать? Да потому, что это черты и поколения первых пятилеток...

Юность Риммы Казаковой — трудовая, лекторская, журналистская, — Черное, Балтийское, Охотское моря, Севастополь, Ленинград, Хабаровск и все, что между ними. «Ведь юность — если строго — она всегда дорога». И вот уже толпятся страны, горы, горизонт теснят. И в этом kaleidoscope, в этом темпе поэт захлебывается, хочет остановиться и не умеет выключить скорость.

Какой отпущен мне метраж
на киноленту о дороге?
Что истина и что мираж,
мой дом — или Париж, Мадрас,
Хангая черные отроги...

Но дороги Казаковой — не туристские тропы, это рабочие дороги. «Нет, не была я обижена вами, люди с засученными рукавами», «Мать над квашнею стоит у печи, тянет мне руку: «А ну, засучи». Сама работник, Казакова отлично чувствует красоту труда.

Косила женщина, как пела,
как будто ягоду брала.
И вся светящейся и слезой,
Как земляничина была.

Для деятельной природы Казаковой нужно поле действий, нужны люди. Самое страшное — без движения, почти без людей оказаться где-нибудь на маяке. Но ей надо испытать все. И она молит «о мужестве, чтоб жить на маяке».

С годами стихи Риммы Казаковой становятся все глубже и серьезней. В оптимистический мир ее поэзии все чаще врывается сомнение, порой растерянность перед сложностью жизни. И когда снова звучат оптимистические строки — это уже трудный оптимизм зрелости.

Я училась у обид,
а ведь их всегда немало.
Ноготки свои об быт
ободрала, обломала.
В результате: «У меня характера не было, появился характер».

Есть у Казаковой стихотворение, которое подглядела А. Пахмутова, и оно стало известной песней: «Я тобой переболею, ненаглядный мой. Я тобой перетоскую, переворошу, я тобой перетолкую, что в себе ношу». Эти стихи смело можно отнести к жемчужинам русской лирической поэзии. В семидесятые годы автор «Русла» поняла, что «жизнь — не спорт и не с попыток, сразу набело живешь». И другое: «Страшный суд — это суд нашей сестры, остальное на свете не в счет».

Верится в затрашний день поэзии Риммы Казаковой. Поручкой строки:

Надо снова вершить молодые
труды,
надо, чтобы нашлась на все
чувства управа.
Надо выйти из прошлого,
как из воды,
чуть пошатываясь, тяжело
и упрямо.

Лев ОШАНИН.